

Линии лица Кирры Муратовой

После рабства

Елена Кутловская

Режиссер Кира Муратова интервью почти не дает и редко выходит в свет – ее маленькую фигурку, облаченную в черный костюм, черные как смоль волосы и резко очерченные оранжевые губы замечают тогда, когда Муратова под руку с сухощавым и элегантным мужем, оператором Евгением Голубенко, уже покидает помпезное мероприятие. Говорит она четко, мысли не комкает. И всегда только по делу. Ни в какие споры не ввязывается. Живет замкнуто. На съемках всегда кричит, даже орет. Но артистов своих обожает. Часто хмурится, но когда позволяет себе улыбнуться – ее харизма буквально опалает собеседников. Общаться с ней сложно. Она нетерпима. Режет правду в глаза. Но и хвалить умеет. Великая Муратова не любит быть великой. Она сняла 15 фильмов. Не допустила ни одного промаха, начиная с «Коротких встреч», где открыла всем лирического Высоцкого, – до «Настройщика», где мы впервые увидели красавицу Демидову в роли «комической старухи». У нее есть призы и награды практически всех престижных кинофестивалей мира. Она ни разу не позволила усомниться в ее гениальности. За вклад в развитие киноискусства ей присуждена премия «Триумф».



Кира Муратова и ее очередная «Ника».

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

Кира Георгиевна, экзистенциалисты уверяли, что чем больше мы говорим и пытаемся выговориться, тем меньше понимаем друг друга. Что вы думаете по этому поводу?

– Режиссер отчасти педагог, и он обязан объясняться ясно.

– Но слово, как правило, прикрывает нас. Это наша декорация.

– Большинство людей не умеют, не любят и не хотят слушать. Им главное выговориться.

– Вспоминая учебу во ВГИКе, вы как-то сказали, что то время рождало двоения и трояния в личности.

– Люди – это существа довольно странные. Дело не в каком-то определенном характере времени. Бывали времена сложнее, а люди были такие же непростые, как сейчас. Собственно, как всегда. Например, во времена Нерона люди не были сложнее, чем они были и будут всегда. Просто каждое время накладывает на них отпечаток и изменяет натуру людей в зависимости от социально-исторической сложности.

– Советская система долгое время заставляла личность, как вы сами сказали, раздвигаться. Насколько я знаю, вы снимали фильмы, и их клали на полку. Потом вы даже придумали псевдоним – не помогло.

– Я считала и считаю, что советская система была основана на

– Вы действительно так считаете? Но ведь мы же сошлись на том, что любая система мало что меняет в людях.

– С развалом Советского Союза человек стал более искренним, более свободным. Я действи-

тельно так считаю. Свобода слова во все времена – это возможность быть более искренним! Да, всегда кто-то от кого-то зависит, кто-то чего-то стесняется, потому что кто-то особым образом воспитан. В любой системе личность умом понимает: да, надо быть искренним, надо быть свободным и по возможности порядочным гражданином и человеком. Но уже не может! А вот что касается СССР – уж поверьте, я на своей шкуре испытала, какая это была лицемерная система! Она никого и ничего не ценила, усложняя возможность каждого из нас не просто жить, а выживать.

– Вариант российской демократической системы лучше?

– Да, я считаю, что лучше! Хотя бы потому, что позволяет несколько «снизить» планку лицемерия, пусть ненамного, но этого уже достаточно, чтобы ощущать некую свободу!

– Мне кажется, что нет, не было и не будет в истории человеческого общежития системы, которая позволила бы человеку быть равным самому

себе. Не лгать, не лицедействовать, не строить «рожи» брату и другу... Любая государственная система не дает личности реального права на свободу, разве что иллюзию, позволяющую жить чуть вольготнее. Вот сейчас за анекдоты не сажают.

– Да, любая государственная система несовершенна, и важен вопрос степени допуска к свободе. Важно, насколько закручены гайки. Сейчас их немного раскрутили. Если вы считаете иначе – спорить не буду. Но мое мнение таково. Против любого другого возражать не стану, но лично я никак не могу думать иначе. В той системе так закручивали гайки – и я в этом «на своей шкуре» убедилась, – что от людей мало что оставалось. Ну а вы, как и более молодое поколение, можете не принимать сегодняшний день.

– А нынешняя «звериная» конкуренция?

– Это нормально! А как же без нее? Но опять-таки возражать не буду – я не агитатор.

– Вопрос о свободе художника, с вашей точки зрения, как-то смягчен новой российской реальностью? Я ни в коем случае не ратую за старую советскую систему, но мне кажется, что лишь единицы «парят» в свободном творческом полете, а остальные «гонят чернуху».

– Недостатков много. Но вы ведь говорите со мной и обо мне? Так вот лично я в СССР была полной рабой!

– А сейчас нет?

– Да нет же, ну! Я раба ну разве только денег! И говорить могу сегодня все, что мне взбредит.

– Денег по-прежнему нет, а с ними и полной свободы, но

зато говорить можно все что угодно!

– Конечно. Я считаю, что свобода слова – это более искреннее состояние человеческого существования в мире, но свобода, как и искренность, никогда не могут быть абсолютными.

– Вот вам придет в голову какая-то творческая идея, а вы сказать ее окажется не на что. Я говорю о денежных вложениях в труд художника.

– Я все равно свободнее, чем раньше, когда жила, боясь открыть рот и предложить что-нибудь художнику.

Да, сегодня бывают случаи, когда придумываешь сценарий и потом вдруг понимаешь – это полный идиотизм. Есть другой вариант: рождается сценарий и думаешь – купят его или нет. Сейчас вопрос только в натуральной зависимости: способен кто-то потратить деньги на тебя или нет. Конечно, понимаешь и другое: тот, кто вкладывает деньги в фильм, изначально рассчитывает, какая прибыль от тебя. Он же коммерсант! И я вполне понимаю его логику. Он решает не мои художественные задачи, а считает свои деньги. Другое дело, как он их считает. Если такая его игра меня устраивает – я в ней остаюсь, нет – выхожу. Вот и все. Да, такая живая жизненная ступень имеет свои недостатки и свои достоинства. Но для меня она лучше, чем прежняя советская система. Без вопросов. Посмотрите на мою биографию...

Еще важен жанр, в котором режиссер работает. Были жанры, которые во все времена абсолютно проходили. Бытовые комедии, например. Незамысловатые мелодрамы. Это не значит, что снимавший их режиссер неискренен. Ему просто, кроме этого, ничего и не хочется сказать! А может быть, и нечего. И он любой системе соответствует абсолютно искренне. Ведь вся кривит душой, но по-разному! Самое сложное – найти художественное выражение тому, что ты желаешь сказать. Вне зависимости от времени! Иногда понимаешь, что именно хочешь сказать и выразить, но не находишь своим словам и желаниям адекватную художественную форму. Тогда я лично молчу и избегаю работать – но это уже мой дефект... К тому же мне никто, как раньше, не говорит: «Не смей об этом думать и даже вслух это произносить! Замолчи!»

– А кто-то особой формы и не ищет. Он ее скорее всего у кого-то «позаимствует»...

– Ой не знаю... Но я так не умею и, когда не знаю, что сказать, всегда повторяю одесскую фразу: «Закрой рот».

– Когда вы приступаете к фильму, вы преследуете какую-то конкретную цель?

– Такой цели-то и нет! Есть импульс. Цель – это же что-то неясное. Если бы ее можно было определить словами, так, может быть, ее вовсе и не было? Представьте, что я располагаю идеей, точно излагающей суть того, что хочу сделать. Ну и чего ради фильм снимать? Статью можно написать, да и все! Но импульс и цель – необъяснимые. И живые. Иначе ни то, ни другое меня не увлекло бы! Цель – это скорее побуждение. Это все равно что человек влюбляется и хочет понять, что и почему с ним происходит, – но понять невозможно. Это ведь чувство? Хотелось бы посмотреть на свои цели и на то, куда они приведут, но это скорее любопытство, не имеющее ответа. Знаете, кто-то считает, что человек покончил самоубийством потому-то, а другой считает, что причин к самоубийству у человека было слишком много...

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 14

Свобода слова – это возможность быть искренним

лицемерии. Она ломала и слабых, и сильных.

– И вот больше нет СССР. Человек, с вашей точки зрения, освободился от несвободы?

– Человек стал гораздо более искренним, конечно!

тально так считаю. Свобода слова во все времена – это возможность быть более искренним! Да, всегда кто-то от кого-то зависит, кто-то чего-то стесняется, потому что кто-то особым образом воспитан. В лю-

Линии лица Киры Муратовой

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

Как и у всего на свете. Я думаю, что жизнь – слишком живой процесс, и нам его не понять. Вот я все время пытаюсь идти по намеченному пути, но у меня никогда нет убежденности, что это получится, что будет так, а не иначе.

– В какой момент вам может стать скучно во время съемок фильма?

– В любой момент. Обычно я начинаю скучать тогда, когда все течет так, как ты предполагала, все актеры играют именно то, что ты предполагала, – никаких сюрпризов! Но в тот момент, когда я все «загоняю в пленку» – я так это называю, – творческий процесс становится страшно интересным: он бесконечен в своих шахматных вариациях и возможностях! На монтаже тебе уже никто не мешает,

не возражает... Это блаженство! И погода не изменится. И актеры не заболеют...

– Загнанных лошадей пристреливаете даже вы?

– Ну, если вы хотите так вульгарно думать – ваше право. Поймите – монтаж делает меня абсолютно свободной! И вот тогда-то мне становится нескучно!

– А страх перед творческим процессом испытываете?

– Да, но только перед началом работы... Там он присутствует со страшной силой. (Смеется.)

– Страх – вещь плодотворная?

– Не знаю, как вам ответить... Наверное, человек от чувства страха становится активнее. Я думаю, страх – это плодотворная эмоция!

– Ради чего вы готовы терпеть раздражение?

– Ради результата. Я очень люблю съемку в принципе. Но когда

она уже потекла и первый страх уже улегся... съемка мне больше не доставляет удовольствия. Дальше я жду монтажа – и ради него какое-то раздражение готова в себе усмирять...

– Ваше отношение к хамству?

Жизнь – слишком живой процесс, и нам его не понять

– Хамства я не терплю. А в культуре хамство – это отражение жизни. Если хамство в кино художественно – я только «за»! Мне могут возразить: какая гадость... вся эта художественность о хамстве! Но художественному я не смогу дать отпор. Хоть хамство, хоть вежливость –

это уже высшие вещи... Все что художественно – это для меня самое главное в процессе творчества.

– Режиссер Кира Муратова считает, что может дать актеру роль и навязать ему ее

концепцию. Режиссер Кира Муратова придумывает свою форму фильму, загоняя актеров, операторов, художников в кадр. Почему я, интервьюер, не могу – с точки зрения многих «звезд» – придумать им/вам роль, загнав в свой текст?

– Если вы мне припишете слова, которые я не произносила...

Иногда я читаю свои интервью и понимаю: вот этого не могла бы сказать никогда! Нет, я в таких случаях ничего не делаю. Не звоню журналисту, не кричу: как вы посмели! Да и визирую я что-либо редко, так как живу в Одессе. И с интернетом я не очень дружу...

Интервью – вещь ненужная. Более того, интервью – вредная вещь! Ведь наш с вами разговор – на потребу обывателя. Интервью – это лишнее для художника. Все, что он может сказать, он говорит своим творчеством. А прочее (вздыхает) – для тех, кто быстро хочет понять творческую фигуру и положить ее на какую-нибудь полочку.

Мои фильмы – это мои линии лица, мои страсти, мои страхи...